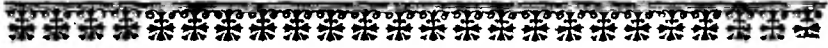

Лебедев А. П. О нашем символе веры: (Рассмотрение и решение ученым протестантом одного важного в истории православия вопроса: С присовокуплением нового пересмотра того же вопроса) // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 1. С. 40–66 (2-я пагин.). (Начало.)

О НАШЕМЪ СИМВОЛѢ ВѢРЫ.

(Разсмотрѣніе и рѣшеніе ученымъ протестантомъ одного важнаго въ исторіи православія вопроса: съ присовокупленіемъ новаго пересмотра того же вопроса).

Сказать что-нибудь новенькое въ затѣжанной всякими „пособіями“ древней церковной исторіи не совсѣмъ легко.

Изъ т. п. „Завѣщанія“ В. В. Болотова (†). (Христ. Чит., 1901, кн. 4, стр. 475).

„Къ кому-то привесли отъ мастера ларець. Отдѣлкой, чистотой ларець въ глаза кидался; ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался. Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ. Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: „ларецъ съ секретомъ; такъ онъ и безъ замка; а я берусь открыть; да, да увѣренъ въ этомъ; я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ открою“. Вотъ за ларець принялся онъ: вертитъ его со всѣхъ сторонъ, и голову свою ломаетъ; то гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ. Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ, и, какъ открыть его, ни какъ не догадался ¹⁾; а ларчикъ просто открывался“ ²⁾.

Иванъ Андричь.

¹⁾ Вышеприведенныя слова поэта должны быть относимы ко всѣмъ писавшимъ по нашему вопросу, но въ особенности къ берлинскому ученому А. Гарнаку и его соучастникамъ.

²⁾ А эти четыре слова можно прилагать къ тому, кто это сдѣлаетъ, т. е. кто наиболѣе короткимъ путемъ пойдетъ къ цѣли.

(*Предварительныя замѣчанія*: примѣсь полемическаго элемента къ чисто-научному въ протестантскомъ богословіи,—непохвальныя крайности въ этомъ отношеніи, — протестантскій папизмъ, — чуждое безпристрастія и несправедливое отношеніе протестантской науки въ послѣднее время къ исторіи нашего православнаго символа. — Перечисленіе представителей этого направленія,—появленіе оппозиціи этому направленію въ лицѣ вѣмцакаго проф. В. Шмидта, — основныя положенія изслѣдованія его о нашемъ символѣ).

Общезвѣстный фактъ, что богословская протестантская наука въ Германіи и другихъ странахъ, гдѣ утвердилось протестантское исповѣданіе, совершенно свободна, т. е. ничѣмъ не стѣснена въ своихъ изслѣдованіяхъ и въ опубликованіи результатовъ своихъ изслѣдованій.

Кромѣ того, эта наука очень широко захватываетъ свое дѣло. Она не ограничивается изученіемъ такихъ памятниковъ, фактовъ и явленій, которые непосредственно служатъ ея интересамъ или говоря точнѣе—вѣроисповѣднымъ интересамъ протестантства. Какъ наука, прожившая уже нѣсколько столѣтій, окрѣпшая и разнообразная, она распространяетъ свое любопытство и изучаетъ такіе вопросы, съ которыми она ничѣмъ, повидимому, не связана.

Конечно, никто не будетъ спорить о томъ, что свобода научнаго изслѣдованія—вещь прекрасная; а равно никто не станетъ отрицать и того, что чѣмъ шире научный кругозоръ, захватывающій наибольшее количество вопросовъ, тѣмъ лучше.

Но нельзя сказать, чтобы и въ протестантствѣ эта свобода изслѣдованія и эта широта научнаго кругозора условливались исключительно и всегда чисто-научными требованіями, идеальными требованіями, присущими знанію, какъ таковому. Протестантство, подобно другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, должно отстаивать свои права на существованіе. Всѣ существующія христіанскія церкви въ полномъ смыслѣ слова суть церкви воинствующія. Никакого исключенія не составляетъ въ этомъ отношеніи и протестантство. Оно есть опредѣленное вѣроисповѣданіе и не можетъ освободить себя отъ обязанности защищать и утверждать свою правоту.

Но существуютъ два главные пути, на которые становится то или другое вѣроисповѣданіе для защиты и утвержденія

своей правоты. Оно можетъ прямо доказывать, что оно право въ своихъ вѣрованіяхъ и дѣйствованіи, и тѣмъ давать разумѣть, что другія вѣроисповѣданія не обладаютъ подобной правотою. Но оно же можетъ избирать и другой путь ради указанной цѣли. Оно можетъ отыскивать и указывать слабя стороны, ошибки, недостатки и извращенія правды въ сферѣ другихъ вѣроисповѣданій. Путь этотъ, не смотря на его непримечательность, находитъ очень многихъ любителей.

Очень часто пользуется имъ и протестантство или, если угодно, протестантская наука. Путь этотъ, путь полемики, не привлекателенъ. Потому что вообще дѣло не хорошее—отыскивать „сучецъ“ въ глазу ближняго. Путь этотъ всегда предполагаетъ, что у самого отыскивающаго непременно найдется что-нибудь похуже „сучца“. И напрасно протестантство похваляется своей наукой, какъ будто она у нихъ является чистой служительницей истины. Отыскиваніе „сучца“ ей свойственно, быть можетъ, въ большей мѣрѣ, чѣмъ кому еще. Ни для кого не секретъ, что ея критика явленій и фактовъ въ области другихъ вѣроисповѣданій очень нерѣдко переходитъ въ иперкритику. Намъ, конечно, было бы не къ лицу отвергать значеніе протестантской науки; да этого и дѣлать невозможно въ виду многочисленныхъ и самыхъ цѣнныхъ услугъ, оказанныхъ этою наукой богословской наукѣ вообще (не говоря о русской богословской наукѣ въ частности). Тѣмъ не менѣе нельзя умалчивать и о томъ, что эта-же наука, становясь на указанный путь, нерѣдко вредитъ своему достоинству и своей славѣ. Безъ сомнѣнія, каждое вѣроисповѣданіе имѣетъ право высоко цѣнить себя, ставить себя выше другихъ; нельзя представить себѣ вѣроисповѣданія, которое не вѣрило бы и не охраняло своего достоинства. Въ этомъ отношеніи протестантство стоитъ на ряду съ прочими вѣроисповѣданіями. Но съ другой стороны не будетъ какой-либо напрасливой утверждать, что своимъ правомъ оно пользуется¹⁾ далеко не всегда, какъ должно. Его наука въ послѣднее время дошла до того, что чуть ли не провозглашаетъ себя истинно - непогрѣшимою, на манеръ римскаго папы ¹⁾). А становясь на эту головокружительную

¹⁾ Мало того, иногда можно встрѣчать мысль, что „каждый протестантъ есть своего рода маленькій папа“ (Хомяковъ). Проф. Завитневича. „А. С. Хомяковъ“, стр. 1272 (!). Кіевъ. 1902.

высоту, она естественно смотритъ на окружающее не иначе, какъ „свысока“. Все для нея представляется такъ мелко, такъ ничтожно, такъ несовершенно. Но и съ этимъ еще такъ или иначе можно было-бы примириться. Но она не останавливается на этомъ. Она возвѣщаетъ еще, что міръ, за исключеніемъ самого протестантскаго вѣроисповѣданія,—въ религіозномъ отношеніи весь „во злѣ лежитъ“. А для подтвержденія правоты своихъ воззрѣній, съ ревностію, достойною лучшаго дѣла, отыскиваетъ и открываетъ всякаго рода фальсификаціи, подлоги въ исторіи другихъ вѣроисповѣданій, созданіе басенъ и легендъ.

За примѣрами нѣтъ надобности ходить далеко. Въ теченіе послѣдней четверти столѣтія (съ 1876 года) протестантская наука съ необыкновеннымъ рвеніемъ набросилась на нашъ православный символъ вѣры, находя, что извѣстная исторія происхожденія его отъ втораго вселенскаго собора есть „басня“, и что самъ символъ этотъ есть не больше, какъ „подлогъ“ и „апокрифъ“. Почему это вдругъ понадобилось протестантской наукѣ обратить свое особенное вниманіе на нашъ символъ вѣры, т. е. Константинопольскій или Никео-константинопольскій—рѣшить трудно. Должно быть, почему-либо понадобилось отыскать спицу въ глазу ближняго. А такого рода потребности тамъ почему-то возникаютъ очень нерѣдко.

Походъ противъ нашего православнаго символа открылъ англійскій ученый Джонъ Антонъ Гортъ (Hort), раскрывшій вышеуказанное воззрѣніе на символъ въ его сочиненіи: *Two dissertations II: on the „Constantinopolitan“ creed and other eastern of the fourth century.* (Cambridge and Lond., 1876). Очень возможно, что неблагоприятное для православія, воззрѣніе англійскаго ученаго не получило-бы большого распространенія, если бы не нашелся нѣмецкій профессоръ, который переработалъ мнѣніе Горта и ознакомилъ съ нимъ нѣмецкую богословскую среду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ читающихъ нѣмецкія богословскія сочиненія. Разумѣемъ извѣстнаго берлинскаго профессора Адольфа Гарнака, который въ 1881 году напечаталъ въ богословской „энциклопедіи“ Герцога-Гаука статью, подъ заглавіемъ: „Константинопольскій символъ“—цѣлю которой было, какъ мы сказали, популяризовать и далѣе развить извѣстное воззрѣніе Гор-

та¹⁾. Послѣ того взглядъ Горта-Гарнака приобрѣлъ себѣ большую популярность въ протестантской наукѣ. Къ нему такъ или иначе примкнули, иногда смягчая его, Каттенбушъ (въ 1892 г.), Лоофсъ (въ 1893 г.), Зеебергъ (въ 1895 г.), Ганъ (Hahn) и Нёсгенъ (Nösgen), оба въ 1897 году; ²⁾ наконецъ въ 1898 году проф. Кунце, имѣя точкою отправленія взглядъ Гарнака на символъ, перевернулъ его теорію, но отъ этого не получила никакого выигрыша православная наука, потому что въ концѣ концовъ, и онъ доказываетъ, что второй вселенскій соборъ не утверждалъ и не составлялъ разсматриваемаго нами символа ³⁾.

Повидимому, дѣло съ этимъ символомъ обстояло очень плохо. Традиціонное церковное воззрѣніе на происхождение его, т. е. на то, что онъ составленъ и утвержденъ на второмъ вселенскомъ соборѣ—не находило себѣ защитниковъ въ самой вліятельной богословской наукѣ—германской ⁴⁾. Но нужно сказать, что между другими достойными всякаго уваженія характеристическими чертами протестантской нѣмецкой науки есть и слѣдующая: рано ли, поздно ли, но тѣмъ не менѣе всякое ученое мнѣніе, если оно доходитъ до крайностей, находитъ себѣ соотвѣтствующій отпоръ или же встрѣчается съ серьезнымъ требованіемъ ограниченія. Тѣмъ и хороша свобода протестантской науки, что хотя она и можетъ выступать въ свѣтъ съ какими угодно рѣшеніями вопросовъ, но съ другой стороны ни для кого не запрещено выражать и противоположныя высказаннымъ сужденія. Каждый писатель ведетъ свое дѣло на свой страхъ, не ожидая себѣ никакой помощи и защиты со стороны; и нѣтъ сомнѣ-

1) Тотчасъ по появленіи указанной статьи Гарнака мы подвергли ее подробному разбору въ журн. *Чтен. Общ. любителей духовн. проsv.* (1881, т. II, стр. 97—136), но конечно она осталась неизвѣстна нѣмцамъ. Свою работу мы потомъ перепечатали во 2-мъ изданіи нашей книги: „Всел. соборы IV и V вѣк.“, стр. 285—322. (Серг. Посадъ, 1896).

2) Всѣ эти указанія можно находить въ статьѣ Шмидта, о которой рѣчь будетъ ниже.

3) Брошюра Кунце уже была критически разсмотрѣна нами въ журн. „Вѣра и Церковь“, 1899, № 9, стр. 535—564.

4) Если не будемъ брать въ разчетъ краткихъ замѣчаній противъ воззрѣнія Гарнака въ книгѣ Келлинга: *Geschichte der Arianisch. Härese*. См. объ этой книгѣ нашъ отзывъ въ *Прибавлен. къ твореніямъ св. отцевъ*. т. 35 (18:5 г.), въ особенности стр. 707—710.

нія, зарпортовавшійся ученый или кругъ ученыхъ найдеть свою Немезиду въ средѣ представителей тойже науки.

Такъ случилось и съ указанной нами Горто-Гарнаковской теоріей касательно символа Константинопольскаго. Проходили годы, а взглядъ этихъ ученыхъ распространялся и все болѣе утверждался въ умахъ нѣмецкихъ протестантскихъ ученыхъ. Надежда на отпоръ ослабѣвала, хотя она исчезнуть совсѣмъ и не могла. Невиданное и неслыханное дѣло, чтобы крайній и ультрированный взглядъ на извѣстный вопросъ, взглядъ, выдававшій себя за непререкаемое рѣшеніе, не встрѣтилъ себя пререканія. Наука претестантская наконецъ дождалась этого—и мы не можемъ не радоваться при видѣ подобнаго факта. Разумѣется, мы не можемъ увѣрять себя, что отпоръ, какой нашла себѣ теорія Гарнака (для краткости будемъ такъ называть ее), подѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ на приверженцевъ ея. Истина не всегда-то сразу завоевываетъ свое мѣсто. Но все же несомнѣнно, дѣло сдѣлано, голосъ оппозиціонный нашель себѣ мѣсто въ печати. А что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ... Въ остальномъ можно возлагать надежду на время, ибо время все изцѣляетъ и все углаживаетъ и уравниваетъ.....

Говоримъ о статьѣ бреславскаго профессора Вильгельма Шмидта, появившейся въ одномъ изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ журналовъ, подъ заглавіемъ: *Къ вопросу о подлинности Никео-Константинопольскаго Символа* (Zur Echtheitsfrage des Nicaeno-Constantinopolitanum) ¹⁾. Въ этой статьѣ Шмидтъ выступаетъ на защиту Константинопольскаго символа отъ нападокъ вышеуказанныхъ враговъ этого послѣдняго. Нѣтъ надобности доказывать, что нѣмецкій ученый дѣлаетъ это по чисто-научнымъ побужденіямъ, ибо для него интересы православія дѣло стороннее и возможно, что о нихъ онъ и яснаго представленія не имѣеть.

Шмидтъ доказываетъ, что въ основѣ Константинопольскаго символа лежитъ не другой какой символъ (какъ думаютъ Гортъ и его послѣдователи), а именно-Никейскій, что онъ составленъ и утвержденъ отцами втораго вселенскаго

¹⁾ Журналъ, въ которомъ напечатана статья, называется: Neue kirchliche Zeitschrift. 1899. Heft 12, S. 935—985.

собора (а слѣдовательно онъ не „апокрифъ“ и исторія его происхожденія не есть легенда“), что онъ провозглашенъ былъ здѣсь въ качествѣ вселенскаго символа и только по особымъ обстоятельствамъ времени не вдругъ приобрѣлъ общецерковное значеніе.

Какъ видимъ Шмидтъ разсматриваетъ и рѣшаетъ вопросы, относящіеся къ исторіи этого символа такъ, какъ впору было бы сдѣлать и истинно-православному ученому. Онъ является защитникомъ и охранителемъ утвердившагося въ православной церкви преданія о происхожденіи символа Никео-константинопольскаго ¹⁾. Нельзя не чувствовать благодарности къ автору за такую, не часто встрѣчающуюся, услугу.

I.

(Содержаніе изслѣдованія Шмидта: *Къ вопросу о подлинности Никео-Константинопольскаго символа.* — Отношеніе символа Константинопольскаго къ Никейскому или же точное раскрытіе понятія: *Никео-Константинопольскій*, вопреки мнѣнію ученыхъ, отрицающихъ родство между этими двумя символами: — текстуальное, опирающееся на количество словъ сходныхъ и различныхъ въ нихъ, доказательство дѣйствительнаго происхожденія символа Константинопольскаго изъ Никейскаго; — отрицательный отвѣтъ Шмидта по вопросу: могутъ ли прибавки, находящіяся въ первомъ символѣ (по сравненію его съ текстомъ второго) удостоверить, что тотъ символъ совершенно чуждъ этому:—подробный анализъ изслѣдователемъ опущеній, встрѣчаемыхъ въ символѣ К—польскомъ при сличеніи съ Никейскимъ, и значеніе этихъ опущеній въ вопросѣ о родствѣ двухъ символовъ. — Опроверженіе Шмидтомъ разныхъ возраженій противъ факта происхожденія символа К—польскаго отъ II вселенскаго собора. — Символы Иерусалимскій и т. наз. Епифаніевъ (краткій), какъ подготовительныя работы къ символу К—польскому; — анализъ отношенія этого послѣдняго ко второму изъ нихъ. — Выводы изслѣдователя изъ всего предъидущаго, направляющіеся къ защитѣ полной подлинности и значительной самостоятельности символа К—польскаго.—Исторія символа К—скаго послѣ 381 г. до нач. VI вѣка,—апологетическая цѣль изложенія этой исторіи. — Благодарность и хвала автору. Шмидту.—„впору самому православному ученому“).

Въ виду такого содержанія статьи, какъ намъ кажется, на представителяхъ русской богословской науки лежитъ не

¹⁾ Ниже мы будемъ называть этотъ символъ просто Константинопольскимъ, потому что это наименованіе болѣе соответствуетъ древнему его

только пріятная обязанность, но и прямой долгъ ознакомиться и ознакомить другихъ съ результатами труда профессора Шмидта ¹⁾. Разсматриваемая статья довольно обширна, (50 стр.) и можетъ быть изложена нами лишь въ главныхъ чертахъ. Передавать же ее въ подробности тѣмъ менѣе удобства, что ея страницы испещрены греческимъ текстомъ, иногда занимающимъ цѣлыя страницы и напечатаннымъ не только сверху книзу, но и снизу кверху, — а такихъ затѣй, какъ извѣстно, наши журналы, по особымъ соображеніямъ, не очень долюбиваютъ. — Шмидтъ для большей раздѣльности усвоенія его изысканій помѣчаетъ отдѣлы своего труда цифрами; также будемъ дѣлать и мы.

Сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи Никейскаго символа и сообщивъ нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности второго вселенскаго собора, направленной на разъясненіе ученія о Св. Духѣ, авторъ помѣщаетъ въ оригиналъ текстъ символовъ Никейскаго и Константинопольскаго. Этотъ послѣдній символъ хорошо извѣстенъ каждому православному христіанину, какъ употребляющійся въ нашей церкви. Нельзя того же сказать о символѣ Никейскомъ. Не смотря на его историческое значеніе и знаменитость, его почти никто не знаетъ по его тексту. Между тѣмъ въ дальнѣйшей рѣчи намъ часто придется цитировать его по частямъ. Въ виду этого мы позволимъ себѣ выписать его въ настоящемъ случаѣ цѣликомъ. Мы приведемъ его текстъ въ русскомъ переводѣ, хотя для нашей работы важнѣе было бы выписать его въ оригиналъ. Но для удобства читателей, мы и дальше будемъ имѣть въ виду не оригиналъ, а переводъ символа. Вотъ русскій текстъ его.

наименованію: символъ 150-ти отцовъ (т. е. II вселенскаго Константинопольскаго собора), да оно и короче двусловнаго; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что наименованіе: „Никео-Константинопольскій“ — позднѣйшаго происхожденія и искусственно (см. ниже).

¹⁾ Мы полагали, что ктонибудь изъ людей болѣе, чѣмъ мы, углубленныхъ въ науку, ознакомить любителей духовнаго просвѣщенія съ указанной знаменательной статьей, и потому не спѣшили сдѣлать это; но надежды наши не оправдались. Поэтому, мы нѣсколько запоздали съ нашимъ рефератомъ. Но конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда. — Впрочемъ нужно сказать, что статья Шмидта напечатана въ журналѣ не распространенномъ у насъ, а потому — я думаю — рѣдко и знаетъ кто о существованіи ея на свѣтѣ.

„Вѣруемъ во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго;—и во единого Господа, Иисуса Христа, Сына Божія, рожденнаго отъ Отца, единороднаго, то есть изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, несотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго (Сына) все произошло какъ на небѣ, такъ и на землѣ; ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія снисшедшаго и воплотившагося, вочеловѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ;—и въ святаго Духа“. — „Говорящихъ же, что было, когда не было (Сына), что Онъ не существовалъ до рожденія и произошелъ изъ несущаго, или утверждающихъ, что Сынъ Божій имѣетъ бытіе отъ иного существа или сущности, или что Онъ созданъ, или преложимъ, или измѣняемъ, предаеть анаѳемѣ католическая церковь“.

Теперь передадимъ разсужденія Шмидта о происхожденіи Константинопольскаго символа.

1. Для тѣхъ писателей, которые отрицательно и въ высшей степени подозрительно относятся къ этому символу и которыхъ мы перечислили выше, представляется совершенно невозможнымъ дѣломъ, чтобы этотъ символъ возникъ на основаніи символа Никейскаго или даже въ связи съ нимъ. По сужденію этого рода писателей, уже внѣшній видъ, словоизложеніе Константинопольскаго символа, будто бы исключаютъ всякую возможность допускать, что онъ составляетъ переработку символа Никейскаго, какъ требуетъ этого традиціонное мнѣніе, выражаемое въ самомъ наименованіи этого символа „Никооконстантинопольскимъ“. Обращая вниманіе на внѣшній видъ или словоизложеніе этого символа, Гортъ утверждаетъ, что изъ 178 словъ, составляющихъ Константинопольскій символъ, только 33 слова въ немъ одинаковыхъ съ символомъ Никейскимъ. Гарнакъ въ своей работѣ ссылается на этотъ подсчетъ, сдѣланный Гортомъ, безъ всякихъ возраженій. Другіе также присоединяются ко Гортю, не выражая никакихъ сомнѣній. Но можно ли этотъ подсчетъ признать вполне правильнымъ? Шмидтъ неопровержимо доказываетъ, что дѣло это сдѣлано Гортомъ произвольно, а его послѣдователями усвоено противонаучно, лишь на вѣру. Оказывается, что словъ совершенно одинаковыхъ въ сим-

волѣ Константинопольскомъ съ Никейскимъ не 33, а 86, то есть, значить, почти цѣлая половина ¹⁾. Къ этому нужно добавить, что еще болѣе благопріятный выводъ получается у Шмидта, когда онъ дѣлитъ Константинопольскій символъ на двѣ половины: до словъ: „и въ Духа святаго“ и отъ этихъ словъ до конца и сравниваетъ ихъ съ отвѣтствующими частями символа Никейскаго. При такомъ сравненіи оказывается, что буквенная разница между этими символами падаетъ на вторую половину, что такъ естественно и понятно, ибо во второй своей половинѣ позднѣйшій символъ даетъ формулировку такихъ догматовъ, которые остаются не раскрытыми въ символѣ болѣе раннемъ. А что касается первой половины обоихъ символовъ, то при сравненіи ихъ въ этомъ отношеніи становится несомнѣннымъ, что изъ числа 126 словъ, входящихъ въ составъ первой половины Константинопольскаго символа, 76 представляются совершенно тождественными со словоизложеніемъ символа Никейскаго. 76 изъ 126 словъ, значить $\frac{3}{5}$. Можно ли послѣ этого утверждать, что символъ Константинопольскій по своей основѣ чуждъ символу Никейскому ²⁾? Возникаетъ интересный вопросъ: да какъ же это производили счетъ словъ Гортъ и его ученые послѣдователи? Во снѣ это они дѣлали или наяву? И любопытно; оказывается, что не во снѣ; но тѣмъ не менѣе ими употребленъ былъ въ ходъ такой маневръ, который едва-ли можетъ заслуживать оправданіе. Для того, чтобы въ результатъ получилось минимальное число словъ сходныхъ въ текстѣ разсматриваемыхъ символовъ, Гортъ и К^о исключили изъ актива символа Константинопольскаго всю ту массу словъ, которая находится въ болѣе древнемъ, чѣмъ этотъ, символѣ—т. н. іерусалимскомъ и которая повторяется

¹⁾ При чемъ всѣ изслѣдователи, а въ томъ числѣ и Шмидтъ въ счетъ не включаютъ заключительнаго авагематствовавія, находящагося въ Н—скомъ символѣ, начиная отъ словъ: „Говорящихъ же“.

²⁾ Читатель пусть не пытается провѣрять выше указанный счетъ словъ двухъ символовъ по русскому ихъ переводу, ибо въ этомъ послѣднемъ много греческихъ словъ совершенно исчезаетъ, вслѣдствіе ихъ непереводимости. Такъ совершенно пропадаютъ всѣ греческіе „члены“, частицы, наприм. *τε*, даже цѣлыя слова при извѣстномъ ихъ сочетаніи, разумѣемъ: *ὅτε, εἰς αὐτ.* Для точнаго счета можно пользоваться только оригиналомъ, а переводъ даетъ лишь приблизительное понятіе о дѣлѣ.

потомъ въ Константинопольскомъ. Но спрашивается, на какомъ же основаніи Гортъ, Гарнакъ и единомышленныя съ ними ученые позволяютъ себѣ такой удивительный поступокъ? Основаніемъ для этого послѣдняго служить для нихъ то, что по ихъ мнѣнію Константинопольскій символъ возникъ путемъ переработки не символа Никейскаго, а древне-іерусалимскаго, почему они и лишаютъ первый изъ указанныхъ символовъ права именоваться *Никео-константинопольскимъ*. Но противъ такого мнѣнія нужно сказать слѣдующее: во 1-хъ, вѣдь это—предположеніе, которое еще нужно твердо доказать, потому оно никакъ и не можетъ служить точкой отправленія при разрѣшеніи вопроса о составѣ символа Константинопольскаго; во 2-хъ, наука лишена возможности возстановить символъ Іерусалимскій въ подлинномъ его видѣ, такъ какъ въ такомъ видѣ ни въ одномъ историческомъ памятникѣ онъ не обрѣтается ¹⁾. Послѣ всего этого Шмидтъ справедливо утверждаетъ, что насчитывать въ Константинопольскомъ символѣ только 33 слова сходныхъ съ текстомъ символа Никейскаго—нельзя. „Насколько сомнителенъ такой счетъ, замѣчаетъ онъ, это очевидно само собою; счетъ такого рода можно назвать чѣмъ угодно, но только не цифровымъ доказательствомъ“.

По сужденію Горта, Гарнака и ихъ единомышленниковъ, противъ близкаго родства Константинопольскаго символа съ Никейскимъ, говорятъ какъ тѣ вставки и дополненія, какія встрѣчаемъ въ немъ, такъ и еще болѣе тѣ пропуски, какія бросаются въ глаза при сличеніи перваго изъ упомянутыхъ символовъ съ послѣднимъ.

На вопросъ о вставкахъ и дополненіяхъ Шмидтъ мало останавливается. Это и понятно. Доказательства, заимствуемая отсюда, имѣютъ второстепенное значеніе въ деструктивной работѣ противниковъ Константинопольскаго символа. Въ самомъ дѣлѣ дополненія, встрѣчаемая во второй половинѣ этого символа, столь новыя здѣсь по сравненію съ символомъ Никейскимъ,—въ ученіи о св. Духѣ, о церкви и т. далѣе, весьма просто, по ихъ происхожденію, объясня-

¹⁾ Этотъ послѣдній вопросъ былъ уже и нами подвергнутъ разсмотрѣнію и рѣшенію. См. *Прибавленія къ Творен. св. отцовъ*, т. 30 (1882 г.), стр. 264.

ются тѣмъ, что возникли лжеученія относительно третьяго лица св. Троицы, (македоніанство), которыя требовали опроверженія ихъ и точнаго изложенія православнаго ученія о предметѣ; а всѣ прочія дополненія въ этомъ же мѣстѣ символа достаточно могутъ быть мотивированы назначеніемъ этого символа стать крещальнымъ символомъ, а таковымъ не былъ символъ Никейскій ¹⁾, представляющій собою вѣроопредѣленіе (*τὸ μαθήσιον*, какъ тогда выражались. *Soctrat. Eccles. Hist. I, 8*).

Еще менѣе можетъ быть споровъ и пререканій относительно разныхъ вставокъ и дополненій въ первой половинѣ Константинопольскаго символа, до словъ: „и въ Духа святаго“. Всѣ реченія подобнаго рода (для краткости рѣчи ихъ мы не перечисляемъ) носятъ, по замѣчанію Шмидта, слѣды лишь стилистическаго исправленія текста Никейскаго въ интересахъ большей его точности и ясности. Съ этимъ, по словамъ того же Шмидта, соглашаются и нѣкоторые болѣе разсудительные послѣдователи взглядовъ Горга-Гарнака. Напримѣръ, Каттенбушъ всѣ тѣ вставки, о которыхъ мы теперь говоримъ, подводитъ подъ понятіе лишь легкой переработки текста Никейскаго символа.

Дѣло иное пропуски, встрѣчаемыя въ символѣ Константинопольскомъ по сравненію съ Никейскимъ, въ особенности пропуски такихъ выраженій изъ этого послѣдняго, которыя были шиболетомъ православія въ Никейскую эпоху. Подобныя исключенія или изглаживаніе нѣкоторыхъ выраженій представляются дѣломъ непонятнымъ и даже соблазнительнымъ..... Какимъ образомъ соборъ Константинопольскій II вселенскій, объявлявшій себя вѣрнымъ охранителемъ Никейскаго ученія, могъ позволить себѣ такое дѣло, какъ исключеніе изъ своего символа очень важныхъ изреченій, находившихся въ Никейскомъ символѣ и составлявшихъ его отличіе отъ многихъ другихъ символовъ, наприм. аріанскихъ? Развѣ могъ сдѣлать что-либо подобное соборъ, излагавшій свой символъ на основаніи этого, т. е. Никейскаго, символа? Значитъ, Константинопольскій символъ не сроденъ

¹⁾ Мысль эта чисто-нѣмецкая и требуетъ большаго ограниченія; она тенденціозна и не всѣми протестантскими учеными раздѣляется (упомянемъ норвежскаго ученаго Каспари).

съ этимъ послѣднимъ и имѣеть другое происхожденіе; къ такому заключенію приходитъ Горто-Гарнаковская теорія. Шмидту необходимо было распутать этотъ вопросъ, что онъ и дѣлаетъ.

Въ символѣ Константинопольскомъ, наприм., не находится очень важныхъ въ догматическомъ и историческомъ отношеніи словъ: „то есть изъ сущности Отца“, служащихъ въ Никейскомъ символѣ поясненіемъ для выраженія: „рожденнаго отъ Отца, Единороднаго“. Почему исчезли тѣ слова, если первый символъ есть только распространенный символъ Никейскихъ отцовъ? Шмидтъ пишетъ: главнымъ антиаріанскимъ изреченіемъ Никейскаго символа были не вышеозначенныя слова, имѣющія форму вводнаго предложенія, но слова: „единосущнаго Отцу“ утверждающія единосущіе Сына Божія съ Отцомъ, а эти слова во всей неприкосновенности сохранены въ изучаемомъ символѣ. При этомъ, то выраженіе, которое поясняется словами: „то есть изъ сущности“..., выраженіе: „рожденнаго отъ Отца Единороднаго“, удержанное и въ символѣ Константинопольскомъ (при незначительной стилистической поправкѣ, перестановкѣ словъ), eo ipso исключаетъ всякое другое пониманіе, кромѣ пониманія, что рожденный (Сынъ Бож.) рожденъ „изъ сущности Отца“. Слѣдовательно эта послѣдняя добавка къ поясняемымъ ею словамъ есть тавтологія и представляетъ, кромѣ того, выраженіе, не встрѣчающееся съ такимъ же значеніемъ въ Библии. (Въ Нов. Завѣтѣ выраженіе: *οὐσία*—сущность употреблено только дважды: Лук., 15, 12 и 13, и въ обоихъ случаяхъ въ значеніи „имущества“). Пересмотръ символа могъ безъ всякаго затрудненія привести къ пропуску вышеуказаннаго предложенія, какъ совершенно лишняго ¹⁾. Тѣмъ болѣе, что цѣль, какой хотѣли достигнуть Никейскіе отцы выраженіемъ: „изъ сущности Отца“, достигали и составители символа Константинопольскаго, и дѣлали это даже проще. Въ самомъ дѣлѣ, Никейское исповѣданіе словами: „и во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божія, рожденнаго отъ Отца, Единороднаго, то есть изъ сущности Отца“ — хотѣло сказать, что Христосъ не есть твореніе Божіе (почему

¹⁾ Слич. нашу книгу: Вселен. соборы IV и V вѣк., стр. 114—115. С. II. 1896. Изд. 2-ое.

и написано: *γεννηθέντα*), ни есть сынъ Божій въ нравственномъ только смыслѣ (почему и написано: *μονογενῆ*), но что Онъ—Сынъ по Своей Сущности, въ смыслѣ метафизическомъ. Но точно туже сумую мысль о „существенномъ“ происхожденіи Христа отъ Бога излагаетъ и символъ Константинопольскій, переставляя иначе слова Никейскаго исповѣданія, и опуская изучаемую добавку: „изъ сущности“... Въ немъ говорится: „во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божія Единороднаго, Отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣковъ“. Нѣтъ сомнѣнія, разсуждаетъ Шмитцъ, что разстановка словъ Никейскаго символа: „рожденнаго отъ Отца, Единороднаго—рожденнаго... роднаго—прямо требовала исправленія. Да при томъ же къ этимъ словамъ присоединено вышеуказанное поясненіе, представляющее на дѣлѣ тавтологію. Если читать это мѣсто Никейскаго символа съ размышленіемъ, то мысль встрѣчалась здѣсь съ чѣмъ-то для нея несообразнымъ. А результатомъ всего этого и было составленіе того изложенія, какое появилось въ символѣ Константинопольскомъ: *Сына Божія, Единороднаго, рожденнаго отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ*. Такимъ образомъ, безъ той вставки, о какой идетъ рѣчь, вѣтъ сомнѣнія—ясно и опредѣленно находить себѣ выраженіе все то, что исповѣдывалось и въ символѣ Никейскомъ. Съ самыми незначительными средствами, благодаря иной разстановкѣ словъ и заключительному выраженію: „прежде всѣхъ вѣковъ“, символъ Константинопольскій достигаетъ очень важнаго результата: въ немъ Христосъ опредѣляется какъ Сынъ Божій,—точнѣе, какъ Единородный, а еще точнѣе—какъ рожденный отъ Отца.

Таже самая, исправляющая текстъ, рука, которая не приняла въ символъ Константинопольскій словъ: „изъ сущности Отца“, говоритъ Шмитцъ, исключила изъ него и выраженіе, непосредственно! слѣдующее за этими послѣдними словами, именно: „Бога отъ Бога“. Къ чему эти слова нашли себѣ мѣсто въ символѣ Никейскомъ, когда чрезъ три слова („свѣта отъ свѣта“) за тѣмъ слѣдовало болѣе торжественное исповѣданіе о Христѣ въ реченіи: „Бога истиннаго отъ Бога истиннаго“? ¹⁾ Чрезъ приближеніе словъ: „свѣта отъ свѣта“ къ выраженію, находящемуся выше: „рожденнаго отъ

¹⁾ Слѣч. нашу книгу: Всел. соборы IV и V вѣк., стр. 113.

Отца“ дается разумѣть, иллюстрируется, что рожденіе произошло не въ какой либо опредѣленный моментъ, а именно, какъ свѣтъ отъ свѣта (т. е. какъ лучъ отъ солнца).

Если сравниваемъ символъ Константинопольскій съ Никейскимъ, то встрѣчаемъ и еще пропускъ въ первомъ. Именно здѣсь не находимъ словъ: „какъ на небѣ, такъ и на землѣ“, которыми поясняется творческая дѣятельность Сына Божія. Но этотъ пропускъ, какъ справедливо разсуждаетъ Шмидтъ, не представляетъ ничего удивительнаго. Указанныя слова служили дополненіемъ къ предшествующему выраженію: „черезъ Котораго (Сына) все произошло“. Но это послѣднее выраженіе настолько всеобъемлюще, что слова: „какъ на небѣ, такъ и на землѣ“ не только не могли служить къ расширенію ихъ смысла, а напротивъ суживали ихъ смыслъ, а потому они были излишни и не нашли мѣста въ Константинопольскомъ символѣ. И это было тѣмъ болѣе излишнимъ, что въ этомъ послѣднемъ при опредѣленіи ипостаси Бога Отца, сказано, что Онъ „Творецъ неба и земли, всего видимаго и невидимаго“, при чемъ очевидно, слова: „неба и земли“ перенесены сюда съ того мѣста, гдѣ они находились ранѣе въ символѣ Никейскомъ. А само по себѣ понятно, что если Отецъ есть Творецъ неба и земли, всего видимаго и невидимаго, то таковымъ же свойствомъ обладаетъ и единосущный Сынъ Его, есть тоже Творецъ „всего“, что кратко и ясно и выражено въ разсматриваемомъ мѣстѣ символа Константинопольскаго.

За исключеніемъ трехъ вышеуказанныхъ пропусковъ—„изъ сущности Отца“, „Бога отъ Бога“, „какъ на небѣ, такъ и на землѣ“—торжественно заявляетъ Шмидтъ, весь Никейскій символъ, слово за словомъ, принять или вошелъ въ составъ Константинопольскаго, но съ нѣкоторою перестановкою словъ, дающею имъ болѣе точный смыслъ. Конечно, опущено еще анафематствованіе въ разсматриваемомъ символѣ, но эта разница обуславливается неодинаковымъ назначеніемъ нашихъ символовъ: Никейскій есть противоеретическое „вѣроопредѣленіе“, а Константинопольскій—церковный крещальный символъ.

Во всѣхъ измѣненіяхъ, въ чемъ бы они не состояли,—въ прибавкахъ, опущеніяхъ и перестановкѣ словъ, очень справедливо разсуждаетъ Шмидтъ, можно видѣть, поскольку

дѣло касается символа Константинопольскаго, переработывающую, исправляющую къ лучшему, руку. Въ этомъ мы, говорить онъ же, ясно убѣдились, когда выше разсмотрѣли въ отдѣльности или пропуски или перестановку словъ. Что же касается добавленій, то онѣ сдѣланы въ интересахъ того назначенія, которому долженъ служить новый символъ: Никейскій символъ, являвшійся по своей идеѣ лишь нормою христологическаго ученія, превращаясь въ символъ Константинопольскій, дѣлается символомъ вѣры въ точномъ смыслѣ слова.

2. Дальнѣйшею инстанціею противъ традиціоннаго мнѣнія о происхожденіи символа Константинопольскаго служить то, пишетъ Шмидтъ, что Константинопольскій соборъ 381 г., будтобы не составлялъ никакого новаго символа, но просто усвоилъ символъ Никейскій. (При чемъ противники разсматриваемаго символа ссылаются на слова древнихъ церковныхъ историковъ и Григорія Богослова, въ которыхъ говорится, что отцы вышеуказаннаго собора охранили и утвердили Никейскую вѣру). Исключаетъ ли такое положеніе вещей возможность провозглашенія и утвержденія на этомъ соборѣ—Константинопольскаго символа? Безъ сомнѣнія, согласиться съ этимъ нельзя. Да, пишетъ Шмидтъ, не другую какую, а именно вѣру Никейскую согласно исповѣдовали 150 отцевъ собора Константинопольскаго и утвердили ее; но они же, какъ открывается изъ тѣхъ же самыхъ свидѣтельствъ, на которыя ссылаются Гортъ и его послѣдователи, раскрыли ученіе о св. Духѣ. А если такъ, то указанная двоякаго рода дѣятельность 150 отцевъ, взятая въ совокупности, т. е. исповѣданіе Никейской вѣры и болѣе подробное раскрытіе ученія о Духѣ святомъ, и составляютъ то, о чемъ мы получаемъ представленіе при посредствѣ текста Константинопольскаго символа. При этомъ случаѣ Шмидтъ старается подтвердить эти мысли указаніемъ на отношеніе Григорія Богослова съ собору Константинопольскому и символу тогоже имени; но мы думаемъ возвратиться къ этому вопросу нѣсколько ниже, а потому не станемъ передавать содержанія словъ Шмидта по данному поводу.

3. „Въ промежутокъ времени между 381 и 451 годами нельзя указать сколько-нибудь вѣрнаго слѣда существованія Константинопольскаго символа. Только съ тѣхъ поръ,

какъ соборъ Константинопольскій, 381 года, былъ объявленъ имѣющимъ значеніе вселенскаго, что случилось на Востокѣ около 451 года (время Халкидонскаго собора), а на западѣ еще позднѣе на пятьдесятъ лѣтъ, и т. н. символъ Константинопольскій признанъ былъ нераздѣльною частію вышеуказаннаго собора“. Слова Гарнака. По поводу этихъ словъ Шмидтъ замѣчаетъ: если авторитетъ Константинопольскаго символа, какъ символа оффиціального, могъ утвердиться только въ зависимости отъ постепеннаго возрастанія авторитета собора тогоже имени, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что съ возвышеніемъ авторитета собора выступаетъ на видъ и символъ, произшедшій отъ этого собора. Поэтому, раньше этого времени и не было цѣли ссылаться на этотъ символъ съ чей-либо стороны: нужно было подождать допоры-дovремени. Да и вообще относительно *argumentum e silentio* нужно сказать, что оно тѣмъ болѣе слабо, чѣмъ бѣднѣе литература, дошедшая до насъ отъ извѣстнаго времени. Притомъ же тому *argumentum e silentio*, на которое опираются противники изучаемаго символа, можно противопоставить другое: ни гдѣ въ теченіе вышеуказаннаго періода времени (381—451 г.), не слышится сомнѣнія въ томъ, что Константинопольскій символъ произошелъ отъ собора 381 года. Еще болѣе вѣса слѣдуетъ, по нашему мнѣнію (говоритъ Шмидтъ же), придавать тому соображенію, что не мыслимо допускать, чтобы въ такой короткій срокъ создалось невѣроятное намѣреніе приписать столь уважаемому собору, какимъ былъ соборъ 381 года, въ качествѣ его символа вѣроизложеніе, совершенно ему чуждое. Развѣ подлогъ и фальсификація такія простыя вещи, которыя очень мало претягъ нравственному чувству? И неужели никому не пришло на мысль выразить протестъ противъ фальсификаціи и заявить объ этомъ во всеуслышаніе? Благосклонное принятіе этого рода *fraus*, причемъ всѣ служители церкви сначала на Востокѣ, а потомъ на Западѣ содѣйствовали бы такому дѣянію,—совершенно невѣроятно. Повѣримъ ли мы тому, чтобы повсюду заглохла совѣсть, чтобы не обнаружилось прямой, честной и рѣшительной оппозиціи? Что заставило бы еретиковъ, противъ которыхъ направляется символъ, воздерживаться отъ протеста или покрайней мѣрѣ явнаго ропота по поводу такого дерзкаго подлога? — Очень спра-

ведливо, скажемъ мы, оцѣнивая значеніе этихъ соображеній Шмидта.

4. „Символь Константинопольскій не есть подлинное произведеніе собора 381 года, потому что онъ находится въ сочиненіи Епифанія Кипрскаго, извѣстномъ съ именемъ „Якорь“, а это сочиненіе написано въ 374 году (слѣдовательно до собора), при чемъ нѣтъ никакихъ основаній смотрѣть на имѣющійся здѣсь символъ, какъ на интерполяцію“. Такъ вѣщаетъ Гарнакъ.

По поводу этого возраженія Шмидтъ пишетъ слѣдующее. Дѣйствительно въ „Якорѣ“ Епифанія встрѣчается символъ очень похожій на Константинопольскій; отличается онъ отъ послѣдняго только тѣмъ, что въ немъ удержана извѣстная добавка или поясненіе: „то есть изъ сущности Отца“, удержаны слова: „какъ на небесахъ, такъ и на землѣ“, и наконецъ сохранено анаематствованіе Никейское, — другими словами въ немъ сохранились три буквальные извлеченія изъ Никейскаго символа опущенныя, какъ мы знаемъ, въ символѣ Константинопольскомъ. Епифаній, продолжая Шмидтъ, получилъ просительныя письма со стороны пресвитеровъ и начальства города Сіэдры въ Памфили, въ которыхъ они убѣждали епископа Кипрскаго дать имъ подробное раскрытіе относительно православной вѣры, въ виду споровъ, волновавшихъ тогдашнее время. И названный писатель около 374 года составилъ ради нихъ книгу, „Якорь“, для всѣхъ обуреваемыхъ моремъ сомнѣній. Въ концѣ этого сочиненія онъ изложилъ православное ученіе въ видѣ двухъ символовъ краткаго и пространнаго. Изъ нихъ первый, т. е. краткій, сходенъ съ Константинопольскимъ, отличаясь отъ послѣдняго тремя вышеуказанными мѣстами въ немъ.

Этотъ символъ, (который для краткости станемъ называть: Епифаніевъ), въ свою очередь возникъ чрезъ расширение изъ древняго символа Іерусалимскаго, составъ котораго ученые извлекаютъ изъ огласительныхъ словъ Кирилла Іерусалимскаго. Антоній Августинъ Туттэ (Toultée), на основаніи Кириллова произведенія возстановляетъ символъ въ слѣдующемъ видѣ. Затѣмъ Шмидтъ приводитъ самый этотъ символъ.

„Вѣруемъ... и т. далѣе согласно съ символомъ Константинопольскимъ включительно до слова: „рожденнаго“—и затѣмъ:

„Бога истиннаго прежде всѣхъ вѣковъ, чрезъ Котораго все произошло, воплотившагося и вочеловѣчившагося, распятаго и погребеннаго, воскресшаго въ третій день, и вошедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца, и грядущаго во славу судить живыхъ и мертвыхъ, Котораго царствію не будетъ конца; и въ единаго святаго Духа, Утѣшителя, глаголавшаго во пророкахъ; и въ едино крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ, и въ единую святую католическую церковь, и въ воскресеніе плоти и въ жизнь вѣчную“. Огласильныя слова Кирилла произнесены были въ 347 или 348 году.

Въ этихъ двухъ символахъ, т. е. Іерусалимскомъ и Епифаніевомъ, продолжаетъ Шмидтъ, мы видимъ документы, свидѣтельствующіе о постепенной переработкѣ символовъ, въ связи и подъ вліяніемъ Никейскаго символа, до Константинопольскаго включительно, видимъ такую серію: Никейскій, Іерусалимскій, Епифаніевъ и Константинопольскій символы. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что послѣдній есть подлогъ.

Мы сталибы не хорошо думать о церкви, если бы хотѣли, чтобы она на каждомъ соборѣ сочиняла абсолютно новыя символы. Уваженіе къ церковной вѣрѣ, преданной изначала, и твердое охраненіе ея исключали возможность такого образа дѣйствованія. Ограничивались всегда тѣмъ, что проясняли только прежнее ученіе, а не сочиняли новаго, замѣня прежняго; поэтому позволяли себѣ дѣлать новыя прибавленія къ символу, точнѣе раскрывающія и уясняющія, уже существующія въ немъ формулы, и при этомъ отнюдь не измѣняли того, что не требовало измѣненія. Такъ поступлено было и на Никейскомъ соборѣ съ символомъ, который представленъ былъ Евсеіемъ отъ имени Кесарійской церкви.

Но Никейскій символъ по своей природѣ не былъ крещальнымъ, а лишь нормой ученія. Вслѣдствіе этого возникла потребность, посредствомъ дальнѣйшей обработки превратить его въ такого рода символъ, или говоря точнѣе придать ясную никейскую окраску существующимъ древнимъ символамъ. Это и видимъ въ символахъ, сначала іерусалимскомъ, а потомъ Епифаніевомъ. Къ нимъ примыкаетъ и символъ Константинопольскій, но не безъ самостоятельной работы въ данномъ случаѣ. Епифаніевъ символъ, по

своему тексту, уже приближался къ символу Константинопольскому, но всеже нужна была новая работа надъ нимъ. Въ немъ еще сохранилась совершенно лишняя приставка: „то есть изъ сущности Отца“, еще находило себѣ мѣсто сколько излишнее, сколько же несообразное поясненіе: „какъ на небѣ, такъ и на землѣ“, присоединяемое къ слову: „всѣ“; наконецъ тотъ же символъ еще заканчивался, какъ и Никейскій, противоаріанскимъ анаематствованіемъ, неумѣстнымъ въ крещальномъ символѣ. Работу эту и совершилъ соборъ 381 года; онъ вычеркнулъ всѣ три вышеуказанныя мѣста. Онъ заключилъ переработку Никейскаго символа, держась символа „Якоря“ или Епифаніева, именно онъ наложилъ на него послѣднюю руку, окончательно проредактировалъ его, что выразилось въ удаленіи изъ него трехъ вышепоказанныхъ лишнихъ вещей—и утвердилъ его, какъ переработанный и восполненный символъ Никейскаго собора.

Такъ какъ соборъ 381 года былъ, собственно говоря, соборомъ восточнымъ, то сказанное утвержденіе символа Константинопольскаго ближайшимъ образомъ имѣло значеніе только для этой страны. Если же символъ долженъ былъ получить авторитетъ для всей церкви, то это могло послѣдовать только послѣ того, какъ онъ будетъ признанъ въ достоинствѣ вселенскаго. Но, какъ само по себѣ понятно, произошло это только постепенно. На самомъ Востокѣ, гдѣ проходилъ соборъ 381 года, символъ достигалъ значенія вселенскаго символа, мало по малу до самой середины V-го вѣка, а на Западѣ этоже случилось почти на столѣтіе поздне. Самый соборъ Константинопольскій 381 г. до извѣстной степени обязанъ символу своимъ возвышеніемъ въ достоинство вселенскаго. Соборъ возрасталъ въ своемъ значеніи по мѣрѣ возрастанія значенія символа.

Послѣ этого Шмидтъ говоритъ: если подведемъ итоги нашихъ предшествующихъ изысканій, то открывается слѣдующее:

А) Извѣстный съ именемъ Никео-константинопольскаго символа есть крещальный символъ, переработанный соборомъ Константинопольскимъ 381 года въ связи съ послѣдними предварительными работами въ томъ же родѣ; при чемъ этотъ соборъ, утвердилъ окончательно переработанный

имъ, символъ, утвердилъ въ качествѣ крещальнаго. *Такимъ образомъ традиціонное мнѣніе сохраняетъ свою справедливость.*

Б) Находящійся въ „Якорѣ“ Епифанія символъ (краткій), сообщаемый въ качествѣ тоже крещальнаго, *не есть символъ Константинопольскій*, а есть только неофициальная работа, послужившая подготовительною ступенью къ этому послѣднему,—такая работа, которая въ свою очередь возникла, какъ звено въ ряду еще болѣе раннихъ предварительныхъ работъ на томъ же полѣ дѣятельности. Эти всѣ работы (да какъ можно догадываться, и не однѣ онѣ) возникли изъ простой исторической необходимости превратить знаменитое никейское вѣроопредѣленіе въ богослужебный крещальный символъ. Что символъ Епифаніевъ въ 374 году не имѣлъ ни всеобщаго, ни тѣмъ менѣе официального значенія это вытекаетъ изъ того, что пресвитеры, слѣдовательно люди свѣдущіе въ церковныхъ дѣлахъ, просили Епифанія дать имъ указаніе относительно точной вѣры, и этотъ послѣдній счелъ необходимымъ ознакомить ихъ съ этимъ именно символомъ и убѣждалъ ихъ пользоваться имъ, какъ крещальнымъ. *Текстъ Епифаніева символа былъ не вполне тождественъ съ текстомъ Константинопольскаго*, послѣ же выпуска изъ него трехъ вышеуказанныхъ мѣстъ онъ сталъ инымъ, несомнѣнно—короче. Съ этимъ само собою падаетъ возраженіе противъ подлинности символа Константинопольскаго, гласящее, что уже въ „Якорѣ“ Епифанія, въ 374 году можно находить символъ этотъ. Соборъ 381 года, занявшись его переработкой, не только укоротилъ его, но и впервые доставилъ ему официальную санкцію.

В) Кириллъ Іерусалимскій предначалъ предварительныя работы, состоящія въ переработкѣ символа своей мѣстной церкви въ духѣ и интересѣ Никейскаго исповѣданія и нашедшій для себя заключеніе и окончательное утвержденіе въ символѣ именно Константинопольскомъ. Такъ объясняется родство этого послѣдняго съ крещальнымъ символомъ Іерусалимскимъ, свѣдѣнія о которомъ мы получаемъ на основаніи огласительныхъ словъ Кирилла. Съ другой стороны, въ силу этого процесса развитія изучаемаго символа, теряетъ значеніе еще инстанція противъ подлинности Константинопольскаго символа, поскольку, опираясь на указанное родство этихъ символовъ, Гортъ объявлялъ, что сим-

воль этотъ есть тотъ же Іерусалимскій, но пересмотрѣнный въ духѣ Никейскаго исповѣданія. Говоря подобнымъ образомъ, мы однакожь не отрицаемъ, что возстановляемый по догадкамъ крещальный символъ Іерусалимской церкви (=Кирилла) легъ въ основаніе Епифаніевой формулы вѣры и что эта-то формула и была послѣднею подготовительною работою, нашедшею завершеніе въ символѣ Константинопольскомъ. Но вслѣдствіе этого *символъ Константинопольскій не перестаетъ быть подлиннымъ*. Если несомнительно, что чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе обнаруживалось усилій пересмотрѣть Никейскую формулу съ цѣлію сдѣлать изъ нея крещальный символъ, то Константинопольскій символъ является официальнымъ завершеніемъ подобныхъ усилій, а соборъ 381 года имѣлъ центромъ своей дѣятельности провозглашеніе этого символа, какъ, наиболѣе соответствующаго своему назначенію, крещальнаго символа, обработаннаго въ духѣ и смыслѣ Никейскаго исповѣданія. Такъ возникъ *Нико-Константинопольскій* символъ.

Г) Возраженіе Горта и Гарнака, что ничего неизвѣстно о томъ, что будто „соборъ 381 года составилъ и провозгласилъ всеобщій (вселенскій) крещальный символъ“, ослабляется слѣдующимъ обстоятельствомъ: изъ актовъ этого собора до насъ сохранились только 4 (по нашему каноническому праву—7) правила и 1 письмо къ императору. Поэтому, быть можетъ, мы просто лишены свѣдѣній касательно провозглашенія символа на соборѣ. Во всякомъ случаѣ, если отцы собора, обзрѣвая свою дѣятельность и какъ бы отдавая о ней отчетъ предъ Θεодосіемъ Великимъ, говорятъ въ посланіи къ нему, что „они изрекли краткія опредѣленія, въ которыхъ утвердили вѣру отцевъ, собиравшихся въ Никеѣ и осудили возникшія противъ нея ереси“, то этими словами не исключается фактъ составленія символа на соборѣ.— Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ періодъ времени отъ 381 года до 450 мы встрѣчаемъ молчаніе въ извѣстіяхъ касательно существованія этого символа. Какъ скоро символъ Константинопольскій не получилъ широкаго признанія своего авторитета, для его приверженцевъ, друзей, и враговъ его не было повода объявлять себя за него или противъ него. А если представители церкви не поставили себя въ опредѣленныя отношенія къ символу этому,

то не было и повода хотя бы и упомянуть о немъ. Былъ ли какой смыслъ поименовывать его, не обнаруживая себя ни въ пользу, ни во вредъ символу? Такъ шло дѣло не короткое время. Для всего есть свой срокъ. Вотъ чѣмъ объясняется молчаніе о символѣ въ теченіе вышеозначеннаго періода. Послѣ этого само собою понятно, что подобнаго рода молчаніе не можетъ служить основаніемъ мнѣнія, что будто соборъ 381 года не провозглашалъ Константинопольскаго символа, въ качествѣ символа вселенскаго. Притомъ же не нужно забывать того, что указанный соборъ дѣйствовалъ преимущественно, какъ соборъ восточный, а потому въ первое время Константинопольскій символъ могъ получить значеніе „вселенскаго“ только въ немногихъ странахъ, въ мѣстности Фракійско-малоазійско-сирійской, откуда собрались и сами члены собора. Возможно допустить наконецъ, что и не было всецерковнаго обнаруживанія этого символа въ качествѣ вселенскаго, и что не было объявлено объ этомъ нарочитымъ декретомъ. Но такъ ли было или не такъ, во всякомъ случаѣ, символъ этотъ въ каноническо-правовомъ отношеніи несомнѣнно нуждался въ дѣйствительномъ утвержденіи своего авторитета, съ значеніемъ вселенскаго символа; а это и произошло на IV вселенскомъ халкидонскомъ соборѣ, въ 451 году ¹⁾. Только послѣ этого событія, на Востокъ онъ сталъ прямо называться Константинопольскимъ, по имени собора того же имени, 381 года, и сталъ здѣсь считаться всеобщепоблительнымъ, получивъ точное значеніе вселенскаго символа. А въ послѣдствіи такое значеніе онъ получилъ и на всемъ Западѣ.

Такъ резюмируетъ Шмидтъ свои выводы, извлекаемые имъ изъ вышеизложенныхъ его изысканій по вопросу о нашемъ символѣ.

Теперь dokonчимъ изложеніе его знаменательной для исторіи православія работы. Постараемся впрочемъ быть краткими.

Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія касательно исторіи Константинопольскаго собора въ періодъ V-го вѣка и до окончательнаго его утвержденія въ церкви, въ нач. VI-го вѣка.

---

¹⁾ При какихъ обстоятельствахъ это случилось, Шмидтъ разсматриваетъ этотъ вопросъ ниже, когда касается послѣдующей исторіи символа К—польскаго.

Изъ этой исторіи мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты ¹⁾. На соборахъ до времени IV-го вселенскаго собора этотъ символъ не предъявлялся, на него здѣсь не дѣлалось даже никакихъ указаній. Это наблюдаемъ прежде всего на Ефесскомъ вселенскомъ соборѣ. Въ заключеніе 6-го дѣянія его соборъ прямо объявлялъ: „не существуетъ никакого другаго вѣроизложенія, кромѣ вѣроизложенія святыхъ отцовъ Никейскихъ. Они имѣли св. Духа“. Это обстоятельство замѣчено было еще старинными греческими учеными. Извѣстный Маркъ митрополитъ Ефесскій на соборѣ Флорентинскомъ въ 1439 году говоритъ, что III-ій вселенскій соборъ „въ своихъ опредѣленіяхъ указываетъ только на Никейскій символъ, а о Константинопольскомъ не дѣлаетъ никакого упоминанія“. Подобное же встрѣчаемъ на т. н. разбойничьемъ (не удавшемся вселенскомъ) соборѣ 449 года. Здѣсь извѣстный Евтихій въ своей запискѣ писалъ: „въ вѣрѣ никейской я крещеньи въ ней запечатленъ“. На соборѣ Халкидонскомъ впервые провозглашенъ, въ качествѣ нормы вѣры, символъ Константинопольскій наряду съ Никейскимъ. Когда прочитанъ былъ символъ Никейскій, то отцы собора восклицали: „это вѣра православныхъ. Такъ вѣруемъ всѣ мы. Въ ней мы крещены, ею крестимъ. Это самая истинная вѣра, святая вѣра, вѣчная вѣра“. А по провозглашеніи символа Константинопольскаго, тѣже отцы восклицали: „Это вѣра православныхъ. Такъ вѣруемъ мы всѣ“. Но не всѣ такъ относились къ этому символу на Халкидонскомъ соборѣ. Изъ числа архимандритовъ, приверженныхъ къ еретику Евтихію, Корось не хотѣлъ знать никакого другаго исповѣданія, кромѣ Никейскаго; Дороеей тоже самое. Впослѣдствіи партія, приверженная къ евтихіанисту, Тимоѳею Элуру, архіепископу александрійскому, въ своемъ докладѣ императору Льву I-му, преемнику Маркіана, объявляла, что она принимаетъ только Никейское исповѣданіе—ни больше, ни меньше. Обнаружились въ V-мъ вѣкѣ и другіе случаи

¹⁾ Исторія эта у Шмидта очень интересна, но она не имѣетъ значенія новизны для русской науки. Эта исторія нами была уже изложена раньше: подробно въ книгѣ — „Вселен. соборы IV и V вѣка“, гл. 4—10 (въ разныхъ мѣстахъ ихъ), и кратко—въ вышеупомянутой статьѣ: „Новый взглядъ на происхожденіе символа К—польскаго“, стр. 540—544; 559—60. (Журн. *Вѣра и Церковь*, 1899, № 9).

непринятія кѣмъ-либо символа Константинопольскаго. Изъ этихъ послѣднихъ фактовъ видно, что этотъ символъ не всѣми одинаково признавался авторитетнымъ, въ V-мъ вѣкѣ. Его или игнорировали или отрицали, но вовсе не потому, что считали его подлогомъ, а изъ чисто оппозиціонно-партийныхъ основаній.

Разсматриваемая исторія даннаго символа даетъ очень вѣсское основаніе не придавать никакаго особенно серьезнаго значенія тому молчанію о немъ въ теченіе 381—451 годовъ, которое съ такимъ анпломбомъ выдвигаютъ на видъ Гортъ-Гарнакъ. Можно находить фактическое подтвержденіе, что символъ Константинопольскій еще до Халкидонскаго собора былъ въ употребленіи въ церкви, и притомъ съ значеніемъ крещальнаго символа,—а это очень важно. На 4-мъ засѣданіи Халкидонскаго собора, когда по требованію обстоятельствъ, всѣ члены должны были по одиночкѣ объявить: считаютъ ли они догматическое посланіе папы Льва къ Флавіану согласнымъ съ вѣроизложеніями Никейскимъ и Константинопольскимъ, тогда Іоаннъ, епископъ Германикійскій вотъ что сказалъ: „въ вѣрѣ 318 отцовъ, собиравшихся въ прежнее время въ Никеѣ, и 150 отцевъ, собиравшихся въ Константинополѣ, не только мы крещены, но также и крестимъ“. Для Каттенбуша, какъ адепта Горто-Гарнаковской теоріи, это свидѣтельство не могло не казаться неприятнымъ, и онъ старается уничтожить силу этого доказательства, утверждая, что подъ „вѣрой 150 отцовъ“ вышеозначенный епископъ Іоаннъ разумѣетъ лишь символъ Никейскій, такъ какъ этотъ послѣдній утвержденъ былъ снова въ Константинополѣ. Но Шмидту не стоило большого труда разбить этотъ софизмъ Каттенбуша. Въ словахъ отца собора, епископа Германикійскаго, заявляетъ Шмидтъ, по разборѣ указаннаго софизма, находится указаніе несомнѣнно на Никейскій символъ, въ томъ его видѣ, какъ онъ былъ переработанъ въ Константинополѣ, то есть восполненъ и утвержденъ, слѣдовательно, прибавляетъ онъ же, въ строгомъ смыслѣ слова на то, что мы именуемъ Никео-константинопольскимъ символомъ или короче: „константинопольскимъ“. Обращая затѣмъ вниманіе на замѣчаніе епископа Германикійскаго, что онъ и самъ былъ крещенъ „въ вѣрѣ отцевъ Никейскихъ и Константинопольскихъ“, и другихъ крестилъ, по оглаше-

ни ихъ этою же вѣрою, Шмидтъ выводитъ очень прямое заключеніе, что символъ Константинопольскій уже задолго до собора Халкидонскаго былъ употребляемъ въ церковной практикѣ. Если епископу Германикійскому въ 451 году было, положимъ, 30 лѣтъ, разсуждаетъ Шмидтъ, то символъ этотъ, значить, началъ употребляться въ церкви не меньше 30 лѣтъ; а можетъ и много больше, смотря по возрасту епископа, сдѣлавшаго указанное замѣчаніе на соборѣ Халкидонскомъ. Безъ сомнѣнія, свидѣтельство епископа Германикійскаго,—заканчиваетъ свое разсужденіе по данному вопросу нѣмецкій ученый,—утверждающее, что Константинопольскій символъ уже задолго до 451 года примѣнялся къ практикѣ въ качествѣ крещальнаго символа, не съ вѣтра взято и имѣетъ то значеніе, что имъ устраняется съ дороги послѣднее сомнѣніе касательно традиціоннаго взгляда на разбираемое вѣроизложеніе, т. е. хочетъ сказать онъ: символъ Константинопольскій вовсе не былъ какою либо неожиданною новостью для эпохи Халкидонскаго собора, а хорошо извѣстенъ былъ въ церкви можетъ быть со времени собора Константинопольскаго 381 года, о чемъ однакожь и слышать не желаютъ приверженцы Горто-Гарнаковской „легенды“.

Вообще Шмидтъ не закрываетъ глазъ на то, что въ его совокупности вопросъ о Константинопольскомъ символѣ не легокъ; но „я могу и долженъ сказать—заявляетъ онъ,—что выходи изъ подобныхъ затрудненій гораздо проще достигается при традиціонной точкѣ зрѣнія, чѣмъ при другой, предполагающей извѣстную „легенду“. Въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ—какимъ образомъ оказалось возможнымъ, чтобы „легенда“ нашла себѣ повсюду вѣру, а символъ достигъ значенія и авторитета, если онъ представляетъ подлогъ и никогда не былъ составленъ и утвержденъ на соборѣ друг. 381 года? На этотъ естественный вопросъ Гортъ, Гарнакъ и К^о могутъ дать одинъ отвѣтъ: Ignoramus. Но вѣдь: ignoramus—не отвѣтъ, а уклоненіе отъ отвѣта, скажемъ мы, и добавимъ: развѣ наука терпитъ такую игру въ прятки?

Въ концѣ статьи Шмидта находимъ два приложенія. Одно представляетъ тщательное, проведенное слово за словомъ, сличеніе въ оригиналѣ 4-хъ символовъ — Никейскаго, Іерусалимскаго, т. н. Елифаніева и Константинопольскаго. Цѣль этого приложенія возможно болѣе выдвинуть самостоятель-

ность Константинопольскаго символа. Съ одной стороны нагляднѣе доказать, что „нельзя утверждать будто этотъ символъ ничѣмъ существенно не разнится отъ Епифаніева“; итѣмъ, говоритъ Шмидтъ, первый символъ, для того, чтобы получить тотъ видъ, какой онъ теперь имѣетъ, потребовалъ самостоятельной работы надъ вторымъ, Епифаніевымъ. Съ другой стороны Шмидтъ имѣетъ здѣсь въ виду опровергнуть мнѣніе, будто „въ основѣ Константинопольскаго символа лежитъ скорѣе Іерусалимскій, чѣмъ Никейскій символъ“; этого онъ достигаетъ тѣмъ, что считаетъ одинаковыя слова въ этихъ символахъ, и находитъ, что изъ 176 словъ, составляющихъ текстъ Константинопольскаго символа, не болѣе 88 словъ представляются одинаковыми въ немъ съ Іерусалимскимъ, да и изъ этихъ 88 словъ послѣдняго символа 50 находятся и здѣсь и въ Никейскомъ также, почему число дѣйствительно одинаковыхъ словъ въ двухъ символахъ—Константинопольскомъ и Іерусалимскомъ—ограничивается лишь цифрой 38. Но передавать въ деталяхъ содержаніе этого приложенія не станемъ, такъ какъ оно (обнимаетъ стр. 368—977), представляетъ интересъ только для специалистовъ.

Другое приложеніе посвящено разбору воззрѣній проф. Кунце на Константинопольскій символъ, воззрѣній тоже не благопріятныхъ для чести этого послѣдняго, но и это приложеніе оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ содержаніе его не составляетъ большой новости для русской церковно-исторической науки ¹⁾.

Было-бы излишнимъ хвалить изслѣдованіе Шмидта, съ которымъ мы достаточно познакомили читателей. Оно прекрасно рекомендуетъ само себя. Остается только благодарить автора ея за безпристрастіе, честное отношеніе къ изучаемому предмету,—за смѣлость сужденія и безбоязненность предъ нѣмецкимъ кагаломъ. Работа автора представляется просто удивительной: она повторяемъ—написана такъ, какъ въ пору было бы и самому православному ученому.

А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Разумѣемъ нашу вышецитированную статью въ журн. *Вѣри и церковн.*: „Новый взглядъ на происхожденіе символа Константинопольскаго“, появленіе которой вызвано было необходимостію подвергнуть критикѣ мнѣніе Кунце.